

Община Св. Великомученицы Екатерины ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК № 5-2007 (22)

К 86-й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПРОТОПРЕСВИТЕРА АЛЕКСАНДРА ДМИТРИЕВИЧА ШМЕМАНА*

В этой статье, текст которой был составлен на основе интервью, данного французскому телевидению Ульяной Сергеевной Шмеман, вдовой отца Александра, матушка с ясностью и глубоким чувством описывает свое участие в жизни и служении мужа. Это замечательная женщина, и ее история еще интереснее тем, что ее муж был замечательным человеком. На французском языке статья была опубликована в журнале «Вестник Православия» (Le Messager Orthodoxe) №133, в январе 1986 г., сс. 121–123. Русский перевод отредактирован Ульяной Сергеевной.

Шмеман Ульяна ЗАМУЖЕМ ЗА СВЯЩЕННИКОМ

Нелегко говорить беспристрастно о муже, который недавно умер, говорить объективно, но с другой стороны, это радость – говорить о нем, поделиться с другими своими воспоминаниями.

Не было ничего необычного ни в нашей юности, ни в том, как мы познакомились: он был выпускником лицея Carnot и русской гимназии, я закончила колледж Sainte Marie de Neuilly; мы оба выросли на идеалах и ценностях Старой России, в ритме Церкви и ее праздников, на наследии и традициях России, которые подразумевали верность и приверженность обязательствам; но, с другой стороны, мы жили в мире Вольтера, Верлена и Пруста, красоты Парижа и величественного прошлого Москвы и Санкт-Петербурга. И в это время, когда мне было семнадцать лет, на ступеньках церкви произошла встреча с девятнадцатилетним семинаристом, только что поступившим в Свято-Сергиевский Богословский институт: «Очень рад с Вами познакомиться... и хотел бы заметить, что я вовсе не собираюсь стать монахом!» В тот же вечер он сказал одному из своих знакомых, что вот только что встретил свою будущую жену.

Он поступил в институт с намерением стать священником, и уже в девятнадцать лет был полностью тем, кем был всю свою жизнь. Он посвятил себя священническому служению с самого детства, Церковь была его кровью, и решение стать священником было самым первым и самым сильным, чем быть кем-то другим. Его священство, желание постоянно совершать богослужение, отражает природу его души, то, для чего он был создан. И в этом не было никаких противоречий.

Он был очень образованным человеком: получил образование сначала в русском военном училище, после — в лицее Carnot и русской гимназии, сохранил страсть к литературе двух стран, которую знал в совершенстве: к русской литературе, которую позже преподавал в Нью-Йорке, и к французской литературе, которую знал не только когда жил во Франции, он никогда не прекращал ее читать, ценил и впитал ее в себя с любовью, даже, если можно так сказать, почти с жадностью. Он любил французскую и русскую поэзию и мог читать ее на память часами, не уставая.

Ни поэзия, ни литература не были для него развлечением. Он вообще был ненасытным читателем: интересовался политикой и философией, современными идеями и теориями. Его интересы и любопытство были всеобъемлющими. В поэзии он видел трансцендентальную красоту и получал от этого наслаждение. Вместо того, чтобы искать свою душу в поэзии, по примеру Романтизма, он открыто и искренне пошел по пути самих поэтов, их творческих исканий. Он любил Бодлера и его стремление к идеалу, любил Вольтера и Рембо — он никогда не искал морали и нравственности в искусстве (его любовь к Бодлеру и Прусту достаточное доказательство этого!). В поэзии, как и в литературе вообще, он видел живое слово, слово, которое выражает жизнь.

Ему нравилось читать записные книжки Gide и Leautaud, биографии и работы о Талейране, Прусте, о жизни Сименона и других, следуя за ними в развитии человеческой жизни, страдания и радости. Все эти работы делали его ближе к сущности другого человека, к самым разнообразным человеческим судьбам и с ними к отказу от себя.

Язык для него имел значение первостепенной важности, больше чем музыка, которой он наслаждался, но без страсти, больше чем визуальное искусство, к которому он был практически равнодушен. Он любил улицы, города, дома, занавески на окнах, кладбища, кафе, вечерние газеты — все, что отражает человеческую жизнь. Я помню, как однажды в молодости я была сильно поражена, если не сказать больше, когда он повел меня на кладбище Pere Lachaise, потом мы пошли гулять на Grands Boulevards, поехали в Maigret, и в конце зашли в кафе Lutetia, засидевшись там за чашечкой черного кофе и номером «Le Monde». Мимо проходили прохожие, целый мир улицы... Что-то осталось и у меня. Я все еще постигаю величайшую меру свободы и глубочайшую степень понимания.

Я говорила о его равновесии, его вкусах, французском и русском образовании, о систематическом, постоянном чтении, которое выразилось в очень широкой и всесторонней культуре, близкой к жизни и развитию человечества. Но в центре всех этих понятий, самым сильным и самым искренним в нем была радость священнического служения, радость быть священником. Особенность его служения определялась влиянием, которое он мог выразить в речи, непосредственным влиянием, прямым и почти незаметным, которое он оказывал на пришедших людей. В результате его всегда поглощали другие люди, и он никогда не говорил «нет». Если в разговоре ему задавали странный или запутанный вопрос, он понимал, что хотели у него спросить и почему человеку трудно задать этот вопрос, и отвечал без навязывания готового решения, без правоучения. Он обладал замечательным даром утешить человека и поделиться с ним собственной легкостью, ободрить его и поговорить о самом главном, поделиться светом, в котором все становилось проще, счастливее и спокойнее. Он действительно ободрял сердце человека. Что-то казалось неожиданным, когда человек приходил, надеясь получить готовое решение или рассуждение, а он говорил только свое видение.

Один из его студентов недавно сказал мне (цитирую по памяти): «Я часто приходил к батюшке со списком проблем, тех проблем, которые мне казались очень серьезными, неразрешимыми. Мы говорили о политике, о литературе, о моих детях, о Церкви, о праздниках,

о природе, и в конце батюшка клал свою тяжелую и мягкую руку мне на плечо и говорил: «Теперь все хорошо, правда? Больше нет никаких проблем?» И я уходил, мое сердце и душа согревались его радостью и сиянием, в чем-то непонятным, но мирным». Никто не мог смеяться с ним, особенно над богословскими вопросами.

Его чувство реального положения дел, здравый смысл, видение жизни, в котором не было надуманных проблем, вместе со всегда присущим ему чувством юмора и внутренней сдержанностью, с умением сдерживать при встрече наедине слишком личные эмоции или чувства, сделали его человеком, от которого черпали как из источника комфорта, благополучия, уверенности, и он так щедро этим делился. Больше тысячи людей пришли на его похороны, я получила сотни писем от тех людей, которых он когда-то коснулся.

В 1951 году мы с тремя детьми уехали из Парижа в Нью-Йорк. В Америке, в Свято-Владимирской семинарии он был профессором и деканом, там он образовал группу сотрудников, преподавателей и руководителей, всех своих друзей, которые понесли ту же миссию, которые говорили голосом Церкви, Литургии, Евхаристии. В Свято-Владимирской семинарии он написал свои книги и реализовал весь свой потенциал, там он действительно трудился для обновления литургической жизни, для возрождения чувства Евхаристии.

Другие расскажут о его богословской миссии. Я знаю, что эта миссия была единым целым с его священническим служением, как слуги и инструмента Господа. Он не обладал чувством социальных проблем: «Другие сделают это лучше, чем я», — обычно говорил он.

Что спасло нас обоих от беспорядка, которого трудно было избежать, чтобы не разбросаться в разные стороны — дети, их образование (наши трое детей, к слову сказать, никогда не приносили нам ничего, кроме счастья), семинария, трудности свести концы с концами в каждом месяце, студенты и все остальное — спасло нас, в первую очередь, присутствие в Церкви, на богослужениях, радость Великой Субботы и обычной воскресной Литургии. И все это пришло к нам через и благодаря его священству.

Чтобы сохранить наш внутренний уклад жизни, все лето мы проводили в канадской провинции на берегу острова Лабель (Labelle), куда мы приезжали, чтобы окупиться в источник жизни под названием Природа, к северной красоте

канадских лесов, к семейной жизни, к деревянной часовне по воскресеньям и праздникам, к приезду его брата Андрея, чье значение в жизни мужа я не могу преувеличить. Каждое наше лето было отмечено ритмом нетерпеливого ожидания его приезда, радости его пребывания с нами и грусти из-за его отъезда. Каждое наше лето действительно было тихим пристанищем.

Мне хотелось бы добавить к этим немногим несвязным воспоминаниям несколько слов о болезни и смерти отца Александра, о празднике его смерти, как это действительно было.

Когда обнаружилось, совсем неожиданно и непредвиденно, что у него рак легких и мозга уже в достаточно глубокой стадии, он принял свою участь в полном смысле этого слова, спокойно и ясно, без ненужных слов, с внутренней силой, которая всегда была скрытой. Я очень хорошо помню точное время, когда это произошло. Это был момент полного осознания и полной ясности, сигнал отправления в путь. Он принял это без эмоций, но в нашу жизнь вошла большая радость. Это не была радость самопожертвования или мучений, которые выпали на его участь. Это была радость простая и чистая, радость, с которой он проповедовал всю жизнь, но теперь она усилилась, потому что он чувствовал, что скоро увидит Царство, двери Царства. Все остальное кончилось — или наоборот, только начнется. Время жизненной борьбы для проповеди, общения, убеждения отошло в прошлое, в то время как великий путь, который сделает его свободным на самом деле, только начался. Он был подобен женщинам, которым явился Христос после Воскресения и сказал: «Радуйтесь!» Его болезнь и приближение к смерти были, без сомнения, даже большим, чем непосредственное видение Господа. С великой простотой, с всеобъемлющей верой он ждал, как сам написал однажды, «никогда не прекращающегося дня Царства». Его смерть была действительно актом жизни, праздником смерти.

Приближение смерти было похоже на поезд, который после свистка отправляется, пыхтит и начинает двигаться сначала медленно, скрипя колесами и выпуская пар, потом идет быстрее и спокойнее туда... туда, к цели каждого путешественника, к дверям Царства, которые открыты для него и к которым он приблизится с миром и благодарением. Никогда я не видела его таким сияющим, таким благодарным, таким терпеливым.

За три дня до смерти его пособоровали. Он был очень слаб, и мы не знали, как он отреагирует, но в конце молитвы он сказал чистым и сильным голосом: «Аминь, аминь, аминь». В этом было его согласие, его «да будет так» всей жизни.

Я хотела бы закончить отрывком из конца главы о смерти из его книги «За жизнь мира» (это единственный отрывок, написанный от первого лица):

«...И если я делаю эту Христову жизнь своей, своими эту жажду и алкание Царства, своим это чаение Христа, своим опыт Христа, как жизни, тогда и сама смерть моя становится восхождением в Жизнь. Я не знаю, когда наступит и как совершится последнее исполнение всего в Боге. Мне ничего не известно о всех этих «когда» и «как». Но я знаю, что во Христе уже началась Пасха мира, переход и претворение его в Царство Божие, и что светом этой Пасхи, ее миром и радостью в Духе Святом уже пронизана жизнь — ибо Христос воскрес и Жизнь жительствоует».

* А. Шмеман родился 13 сентября 1921 года.

ЦЕРКОВЬ В ИСТОРИИ

Помните наставников ваших, которые проповедывали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их. Евр. 13:7.

III век

Путь отцов*

КЛИМЕНТ АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ († до 215)

Европейский путешественник, сойдя нынче на берег в александрийском порту, едва ли сумеет составить даже отдаленное представление о былом величии этой столицы, мировой ярмарки на перекрестке африканских и азиатских путей в центре Средиземноморья. Трудно вообразить себе эту толчею, это громадное скопление народа, все прибывавшего и во времена Птолемея, и в III-м веке, в эпоху Климента и Оригена.

Город отдал в распоряжение мыслителей несравненную библиотеку, а местный Музей стал университетом эллинизма. Изготовление папируса также помогало распространять философскую мысль. Население города большей частью состояло из торговцев и ремесленников, и тем не менее это был интеллектуальный центр, наследовавший изнеженным Афинам, способный затмить и самый Рим. Здесь сошлись все философы, наставники и учителя веры. Александрия была мировым перекрестком идей и философских школ.

ХРИСТИАНСКАЯ АЛЕКСАНДРИЯ

Когда около 180 г. Климент появился здесь, в городе было уже десять епископов. Видимо, христианство вначале укоренилось среди евреев - они составляли около трети населения города и отличались духовной восприимчивостью, - а затем распространилось и в языческой среде. Аполлос, о котором идет речь в 1-ом послании к Коринфянам, был родом из Александрии.

В египетской столице, бок о бок с великой Церковью, обосновались гностические школы Валентина, Василида, Карпократа, чьи доктрины по существу или в частности предопределили впоследствии европейский путь веры. Пантэн, несомненно прибывший из Сицилии, возглавлял, подобно Иустину, особую школу, она была похожа на христианский университет широтой охвата дисциплин и на тесную общину - ограниченным числом учеников, сплоченных вокруг учителя.

ИСКАНИЯ

Здесь завершились путешествия и искания Климента: он обрел учителя и свет истины. В свой черед он стал учителем. В христианские дидаскалии, как тогда называли школу, он принимал людей образованных и богатых, стремясь в процессе обучения слить воедино Евангелие и культуру. Христианство, исшедшее из семитской среды, обрело благодаря ему греческую закалку. Александрия стала на исходе II века колыбелью христианского эллинизма. Он был первым из тех, кто возвеличил Церковь.

У Климента было римское имя, возможно - имя хозяина, отпустившего его на волю. Родился он, вероятно, в Афинах около 150 г. в языческой семье. Получил хорошее образование. Очевидно, был причастен к таинствам Деметры Элевсинской, затем обратился в христианство. Обстоятельства его обращения неизвестны. Его могла пленить возвышенность и чистота евангельской морали. Вероятен и другой, более интеллектуальный мотив: христианское вероучение привлекло его как завершение греческой философии.

Обратившись, Климент отправился путешествовать и объездил южную Италию, Сирию и Палестину в поисках авторитетных наставников, прежде чем встретился в Александрии с вождельным Пантэном. Он пребывал здесь до начала преследований Септимия Севера, до 202-203 гг. В изгнании продолжал служить Церкви и трудился над своими сочинениями. В сохранившемся послании Эусебия он упоминается как «счастливый пресвитер». Был ли он в самом деле священником? Историки продолжают об этом спорить. Он умер незадолго до 215 г., так и не вернувшись в Египет.

О жизни его известно мало, однако человек виден в его сочинениях явственно: здесь сказалось и обаяние его личности, и вера, и образованность. Последняя, впрочем, была разносторонней, но вряд ли достаточно глубокой. Он поражает своей восприимчивостью ко всему возвышенному и благородному. Евангельское одушевление не только не ослабило этой его способности, но помогло ей стать универсальной. По натуре энтузиаст, поэт и мистик, убедительный, красноречивый, проявлявший в некоторых случаях недюжинную интуицию, Климент пленяет своей свежестью, непосредственностью, чуткостью, своим неизменно живым воображением.

ЛИЧНОСТЬ

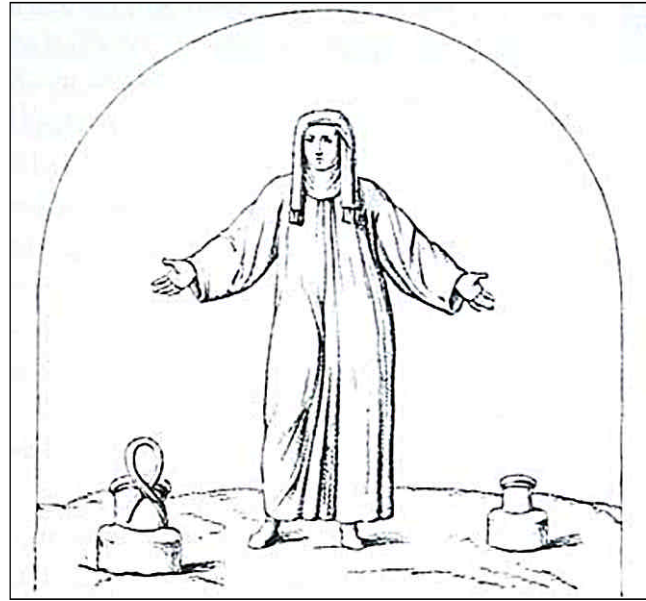
Ньюмен назвал притягательность Климента музыкальной. Этот александриец и в самом деле был по-человечески глубоко притягателен, легко и естественно становился центром общения, относился к ближнему с открытым сердцем, радостно и доверчиво. В противоположность Тертуллиану, он подкупает своей мягкой сдержанностью, чужд крайностей, об этом свидетельствует хотя бы его отношение к богатству и к браку.

Христа он видит в облике наставника, и этот облик, со всеми должными оговорками, весьма пристал ему самому. Он - прирожденный воспитатель, трезвый, наблюдательный, порою лукавый, знающий меру в наказании и обличении греха. Он не впадает в показное негодование, но мудро изобличает онтологическую и нравственную тщету чревоугодия, кокетства, роскошества, сребролюбия. Он неизменно стремится обращать, воспитывать, направлять людей к совершенству.

Климент - скорее учитель, нежели писатель. Его устная речь весьма отличается от письменной. Несмотря на весь свой блеск, Климент - писатель велеречив, туманен и усложнен, он нередко утомляет отсутствием внешней четкости, плана и метода. Но читатель, сумевший справиться со стилистическими помехами, откроет для себя христианского мудреца, наставника, чуждого всякому педантизму. Он «детоводительствует» нас, приобщая к тайне своей жизни и к своей пламенной вере. Постоянно находясь среди людей, этот философ привык мыслить конкретно и связывать наставления с жизнью. Философские проблемы интересовали его лишь в той мере, в какой открывали путь к преобразованию человека.

*Отрывки из книги А.Аммана «Путь отцов», продолжение, начало в №1-2006.

На иллюстрации - фигура диакониссы, катакомбы по Латинской дороге, Рим.

СОЧИНЕНИЯ

Сохранились три его главных произведения, которые образуют как бы трилогию: «Слово увещательное», «Педагог» и «Строматы». Они отражают последовательность его духовного пути, его обращения к совершенству.

Первое сочинение - его полное название «Слово увещательное ко грекам», обращено к читателю-язычнику и отличается отработанным слогом и слаженной композицией. Читается оно легко, привлекает изяществом, непринужденностью тона и неподдельным волнением. Хорошо понимая психологию александрийской среды, Климент пронизательно угадывает в скептицизме тайную тревогу и тайное ожидание.

Книгу открывает Гимн Христу, ритмизованный, пластичный, исполненный проникновенного лиризма. Это новое песнопение по красоте превосходило все легендарные. «И сей потомок Давидов, Логос Господень, бывший прежде Давида, презрел лиру и кифару, их бездушные струны; но озвучил Духом Святым нашу вселенную и нашу землю, тело и душу человеческую. И волею Его тысяча голосов слилась в песнопении к Господу. И сам Он воспел славу Господню вместе с сим хором человеческим» (1, 5, 3).

Вслед за этим лирическим вступлением Климент обозревает дохристианские вероучения и установления, обнажая их слабость и недостойность. И все же философы почтенны в его глазах. Климент выводит на сцену Платона и задает ему вопросы. Платон отвечает цитатами из «Тимея» и как бы подсказывает дальнейший ход рассуждения. За философами идут поэты. В «Слове увещательном» повторяется мысль Иустина: сочинения Платона проясняются с помощью Писания. Но истину в полноте ее надо искать у пророков, которые обращались ко всем людям. Согласно Клименту, Писание стало книгой книг.

Книга заканчивается, подобно симфонии, вводной темой: единением человечества вокруг Христа.

Климент ведет речь о язычестве как человек, знакомый с ним изнутри; он, как впоследствии Августин в «Граде Божьем», и не думает осыпать его проклятиями. Он хочет не унижить противника, но помочь ему самому ощутить слабость язычества, пробраться сквозь туман, застилающий ему взор, к познанию Бога и восторженно возгласить словами Эсхила: «Славься, о свет!»

Такова эта книга, исполненная пыла и поэтичности, одушевленная стремлением не только просветить, но и задеть за живое, вызвать у язычников горячий ответный отклик: «Поспешим же мы, живые образы Логоса, любящие Бога и подобные ему. Поспешим же, о поторопимся и примем бремя Его и устремимся к негленности» (12, 121, 1).

Если «Слово увещательное» - книга предверия, то «Педагог» - учебник для верующего. Его цель - завершить евангельское самосознание новообращенных. В древности педагогу препоручалось воспитание молодого афинянина и забота о формировании его характера. Ему отводилась та же роль, что репетитору в Оксфордском университете. Названием книги Климент хотел подчеркнуть значение Христа-воспитателя. Это руководство по христианской этике, одновременно теоретическое и практическое, помогающее подготовить ученика к восприятию наставлений Учителя.

Христос есть Логос-педагог. Он главенствует в христианском воспитании, печется о преобразении жизни, о нашем приобщении к христианским нравам. Логос - это педагог, верующие же подобны детям. Климент постоянно напоминает, сколь важно быть как дети, хранить смирение, простоту, искренность, прямоту и чистоту. И хрупки мы точно так же, как дети. Ребенок нуждается в покровительстве, руководстве, надежной защите, чтобы он мог смеяться, играть и радоваться. Взор человека постоянно обращен к Логосу, за ним он признает главенство, ему стремится подражать, ему уподобляться, сообразуясь с его волей во всех, даже самых будничных делах.

Климент не ограничивается провозглашением принципов. Он создает кодекс христианского благочестия; сообщает, как должно есть, пить, держаться за столом - не разговаривать, например, как и нам объясняли в детстве, с набитым ртом. Он противник роскошной мебели и посуды. Добравшись в своем перечне до спальни, он не обходит молчанием и интимную жизнь. Затем обсуждает украшения и туалеты, обращение со слугами (речь идет о домах с достатком), предупреждает об опасности публичных бань, притупляющих стыдливость.

Он устанавливает кодекс благовоспитанного человека, или, как говорит Климент, «человека благородного». Александриец имел в виду высший слой общества, привыкший к излишествах и удовольствиям. Читая «Педагога», нетрудно представить себе быт и нравы александрийской семьи начала III в., жизнь тех, у кого волюю денег и досуга. Морализируя, автор не пренебрегает самыми прозаическими бытовыми подробностями, и поневоле иногда впадает в натурализм, обсуждая, пристало ли рыгать, харкать, ковырять в зубах после приема пищи. Эти житейские наставления, сознательно выдержанные в духе языческих моралистов, ничуть, однако, не мешают делу. Климент никогда не теряет из виду свою прямую цель: внедрить христианскую мораль, сообразовать жизнь с евангельскими принципами. Все положения, заимствованные из греческой традиции, явлены в христианской перспективе и соотношены с Евангелием.

Климент выдвигает суровые нравственные требования, предполагающие аскезу вплоть до принятия креста, приуготовляющие к монашеству в духовной жизни. Замечательно, что он пишет для светских людей, он не призывает их удалиться от

мира, но выявляет и осмысливает требования, которые светская жизнь налагает на них. Он поступает подобно Франциску Сальскому: прельщает и увлекает. Климент не бежит радостей природы и жизни, успевает по ходу дела умилиться прелестям весны, восхититься цветущей степью.

Третью часть триптиха составляют «Строматы» - заглавие можно перевести как «узоры» или «смесь». Произведение это незакончено, в иных главах чувствуется импровизация; видимо, это буквальная запись лекций Климента. Теология мешается здесь с философией, ученые рассуждения - с апологетикой. Выделяются две темы: отношения между христианством и греческой философией и портрет совершенного гностика, т. е. верующего, достигшего совершенства, который и развертывает перед нами трактат о духовной жизни.

«Строматы» - произведение неслыханно длинное по тогдашним временам: восемь книг - в теологии такого еще не бывало! Это настоящий памятник истории мысли. Впервые христианский философ держит столь пространную речь об отношении веры к познанию и отводит Евангелию верховное место среди великих мировых философий.

Автор разбирает здесь самые трудные вопросы, те, что и поныне волнуют человеческий ум: о взаимоотношениях философии и христианской истины, о составе акта веры, о христианском смысле истории, о значении и целях брака, о познании Бога, о символической природе и Писании, об уровнях человеческого знания, о пути к христианскому совершенству.

В этом триптихе Климент продолжает, на гораздо более высоком научном уровне, дело, начатое Иустином. Его цель - привести христианина от веры к познанию: «Вера есть завязь, познание - плод». Климент выявляет истину Писания (это его настольная книга) с помощью аллегории, как это уже делал Филон; он хочет достичь скрытого слова истины, перейти от буквы к духу. Его проповедь «Какому богачу возможно спастись» - яркий тому пример.

Этот замечательный этюд благодаря своей краткости и прямоте остается одним из самых популярных и, прибавим, актуальных его сочинений. Здесь Климент комментирует знаменитое речение из Евангелия от Марка: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Небесное». Климент предлагает различать возможности истолкования слов Христовых. Их должно понимать не «плотски», но духовно. Один лишь Господь благ. Богатства даны нам от его щедрот. Сами по себе они ни хороши, ни дурны, но делаются таковыми, являя отражение нашей души. Не от богатств следует отрешаться, но от греховности нашего сердца, которая у одних оборачивается стяжательством, у других завистью. Богатство же дано нам лишь в аренду.

Любой социальный вопрос Климент рассматривает сквозь христианскую призму и освещает верой. Он во всем остается приверженцем умеренности, какую обнаруживал в речах о семье и браке. Климент - зачинатель социального учения Церкви.

ЗНАЧЕНИЕ

Развивая христианское вероучение, Климент с «чувством превосходства и спокойной уверенностью», как выразился Литцман, являет христианскую истину своему веку, влюбленному в философию, как философию истинную. Ты философ? И я не менее твоего. Он умел сообразовать свой культурный идеал с идеалом религиозным. В истории христианской мысли это первый богослов, заложивший основы культуры, вдохновленной христианской верою и христианским гуманизмом. Он создал этот сплав, обнаружив во Христе воспитателя рода человеческого.

Он и сейчас остается предшественником, образцом, источником, и от него надлежит отправляться, дабы решать эти вопросы в XX веке. Немалое влияние, по своему пленительному, он оказал на сочинения христианских богословов. Высоко ценил его Ньюмен, Фенелон комментировал его, хотя толковал и не без натяжек.

Климент отнесся к языческому миру совсем по-иному, нежели монахи, ютившиеся в пустынных окрестностях Александрии. И все же его учение во многом связано с монашеской духовностью. Он - зачинатель непрерывной молитвы. Он нелегкий автор, но те, кто к нему часто обращается, вознаграждены: он будит мысль, и трудно не подпасть под его влияние.

ИЗ НОВОСТЕЙ

Из архива: Путин считает одинаково важными составляющими безопасности страны ее традиционные религии и ядерный щит

Москва. 1 февраля. ИНТЕРФАКС - Президент РФ Владимир Путин считает, что религия и ядерный щит России одинаково важны для обеспечения безопасности страны.

"И традиционные конфессии Российской Федерации, и ядерный щит являются теми составляющими, которые укрепляют российскую государственность, создают необходимые предпосылки для обеспечения внутренней и внешней безопасности страны. Из этого можно сделать ясный вывод о том, как государство должно относиться и сегодня, и в будущем и к тому, и к другому", - такими словами В.Путин завершил в четверг свою шестую пресс-конференцию в Кремле.

<http://www.interfax-religion.ru>

Из недавнего: В Храме Христа Спасителя прошли торжества по случаю 60-летия со дня основания ядерного оружейного комплекса России

4 сентября в Храме Христа Спасителя на праздничный молебен в день 60-летия со дня основания ядерного оружейного комплекса России собрались военачальники, ветераны и служащие 12 Главного управления Министерства обороны РФ.

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II благодарственный молебен и молебен преподобному Серафиму Саровскому в Храме Христа Спасителя в честь 60-летия со дня основания 12-го Главного управления Министерства обороны РФ совершил епископ Бронницкий Амвросий.

Перед началом молебна владыка призвал всех вместе помолиться, поблагодарить Бога за Его милость и помощь за прошедший период истории ядерного щита России и испросить благословение Божие и небесное заступничество покровителя ядерщиков — преподобного Серафима Саровского.

По окончании молебна военачальникам, ветеранам и служащим 12 Главного управления МО РФ было провозглашено многолетие. Епископ Амвросий огласил приветствие Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Начальник 12-го Главного управления МО РФ генерал В.Н. Верховцев передал благодарность Его Святейшеству за молитвы, благословение и внимание к воинам и служащим Управления и пожелал Предстоятелю Русской Церкви крепкого здоровья.

<http://www.patriarchia.ru>

Книга «Педагог» заканчивается гимном Христу, песнопением, очевидно, в духе александрийской школы. Этот восторженный гимн воспевает Христа - Слово, главу, наставника, собирающего и пестующего сообщество святых.

ГИМН ХРИСТУ СПАСИТЕЛЮ

Гибель жеребцов необузданных,
Крепкое воскрылие птичье,
Верный кормчий судов,
Пастырь овец царевых,
О собери воедино
Чистых твоих детей;
Да восхвалят они во святости,
Да воспоят от сердца
Устами бесхитростными
Христа детоводителя.
Среди святых первейший Ловец человеков,
Глагол неодолимый Коих спасти явился;
Отца всевышнего, Ты, в океане греха
Властитель мудрости, Чистых рыб уловляющий;
Трудов опора, Их из волны враждебной
Радость неизменная. К жизни блаженной стремящий.
О Иисусе, Спаситель Веди же стадо свое,
Рода нашего смертного, Стадо овец послушных;
Пастырь и труженик, Водительствуй же, о Царь
Всадник и кормчий, Своими детьми беспорочными.
Крыло, нас возносящее Им же следом Христовым
К святому чертогу небесному. Стелется путь в небеса.
О Слово предвечное, Мы же как дети малые
Века раздвигающее, Тянемся ртом младенческим,
Свете неугасимый, В чаянии утоления;
Родник милосердия, И утолит нашу жажду
Содеятель добродетели, Всецело и целомудренно
Чают тебя, как жизни, Излияние Духа Святого.
Богу песнь возносящие.
Вознесемте же купно
О Христе Иисусе, Чистые песнопения,
Ты как млеко небесное Гимны Господних приверженцев
Сладчайших сосцов Ко Христу властителю,
Юной новобрачной, К нашей священной награде,
Благодатную мудрость струящих. Гласом его дарованной.
Восславим же чистосердечно
Всемогущего Сына.
Мы, во Христе рожденные,
Хором мир возвестим;
Осиянны небесной мудростью,
Воспоемте же всем народом
Гимн миротворцу Господу.

***

Комментарий

Монах, чьим девизом было: «стяжи дух мирен и тысячи спасутся вокруг тебя», теперь становится покровителем оружия массового уничтожения, а храм Христа Спасителя - местом юбилейных торжеств ядерных сил...

И это лишь малая доля красноречивых иллюстраций осуществившегося в России церковно-государственного союза.

На первый взгляд, этот союз открывает легкий путь воцерковления общества при поддержке государства, но эта поддержка со стороны государства не безкорыстна.

Своей обратной стороной она имеет обмирщение Церкви, связывает ее лояльностью к государству, принуждает, идя на компромиссы, религиозно обслуживать и освящать его функции.

Апологеты этого пути будут защищаться ссылками на прошлое России и Византии, знавших только такой способ существования Церкви в государстве, но прошлое само по себе не аргумент. Даже при беглом взгляде на историю Церкви видно, что уже в поздней Византии симфония далеко не равноправна и сильно разбалансирована в пользу государства. В принявшей эстафету России, наблюдается еще больший регресс этого союза, который достигает своего апогея после петровских реформ.

Последовательные многовековые (и потому в глазах многих освященные временем) компромиссы, лишали Церковь инициативы, свободы реагировать на реалии жизни и стоять за правду. Красноречивым же плодом этого пути стало церковно-государственное крушение 1917-го.

Отец Александр Шафрановский, в те годы окормлявший в немецких лагерях русских военнопленных, с изумлением обнаружил, что, после отречения царя от престола, 90% (!) солдат перестали участвовать в богослужении и таинствах Церкви, и это при том, что с 1914 по 1916 годы не было ни одного случая отказа военнопленного солдата или офицера от исповеди и причастия. Т.е. люди уже фактически не отличали Церкви от сраченного с ней государства - вот цена казенной церковности, выросшей в условиях компромисса...

Всю опасность этого пути однажды емко выразил некоторый западный епископ. Отвечая на вопросы журналистов относительно предстоящих в его стране выборов, он сказал, что его церковь не станет заключать никаких политических браков, поскольку в этом случае она рискует однажды остаться вдовой.

Автор этих строк хотел бы верить, что уроки истории будут учтены, и катастрофических последствий удастся избежать, но очевидное скорее говорит об обратном.

Виктор Шлягин

К ВОПРОСУ О СЛУЖЕНИЯХ

М. Калугина ОЦЕНКА ЗА МИЛОСЕРДИЕ

Нижеприведенный текст написан студенткой Свято-Филаретовского института (СФИ) в Москве, где, во избежание формирования у студентов отвлеченно-рассудочного восприятия христианства и церковной жизни, в программу введен обязательный предмет - каритативная практика.

Каритативная практика. Для непосвященных это словосочетание звучит если не угрожающе, то, по меньшей мере, настораживающе. Да, и у тех, кто впервые узнают о смысле этих слов, тоже возникают неоднозначные реакции. “Каритас” - милосердие. “Практика” - приобретение навыка (в данном контексте - обязательное упражнение для возрастания в чем-либо). Таким образом, получается, что это - попытка достичь “профессионального” милосердия. Звучит несколько абсурдно. Но давайте попробуем разобраться.

У меня, как и у многих моих однокурсников, пришедших учиться в Институт, возникали довольно большие проблемы с осознанием необходимости этого предмета (не милосердия как такового, но именно каритативной практики, как одного из обязательных предметов СФИ, за который, как и за все остальные, ставятся отметки, и который нельзя “прогулять”).

С одной стороны, милосердие - это то, что заповедал нам творить Господь. Но, с другой стороны, для милосердия необходима любовь, даже избыток любви, чтобы ее можно было отдавать другому. Но любовь, как известно, - дар Божий. И я думаю, не каждый может о себе сказать, что обладает этим даром в избытке. Поэтому мне представлялось необходимым сначала достичь такого духовного уровня, когда сердце из каменного превратится в плотное, ибо *“если я раздам все имение мое и отдам тело мое на всеожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы”* (1 Кор., 13, 3).

Убедив себя подобными размышлениями, я принялась молиться о ниспослании этого дара. И вот однажды я вдруг поняла, что дары Свои Господь дает только тогда, когда в них возникает необходимость. Т.е. авансом этот избыток любви мне не получить. Иными словами, я должна ощутить голод, чтобы Господь дал мне хлеба.

Это открытие полностью переменяло мое отношение к каритативной практике. Из милосердия “из-под палки” она вдруг предстала передо мной в качестве ступени, возводящей меня к обретению долгожданного дара любви. Я поняла, что только начав служить ближнему, ощутив недостаток своих собственных сил, можно дерзновенно обращаться за помощью к Богу. Иначе получается замкнутый круг: “любви в сердце нет - подожду, пока она придет”. Но она придет только тогда, когда не будешь ждать, а начнешь служить.

Осознав все это, я решила поехать в детский дом. Почему именно туда? Дело в том, что до этого я несколько раз пыталась добраться вместе с группой сокурсников до дома престарелых, но каждый раз какие-то обстоятельства мешали мне это сделать. В конце концов я вынуждена была переменить направление своих устремлений и вместе с однокурсницей присоединиться к молодежной группе, давно шефствующей над детским домом в Подмоскowie.

Трудно передать то настроение, с которым мы ехали туда в первый раз: опыта общения с такими детьми у нас не было вовсе. По дороге мы долго пытались выяснить, что же от нас требуется. Братья и сестры успокаивали нас: “Не бойтесь, дети сами подскажут вам, что делать!” Тем не менее нам было не по себе.

И вот мы на месте. Открыв дверь, я только успела внутренне взмолиться: “Господи, помилуй!”, как на нас налетела целая ватага ребятишек лет 6-10. В их глазах была такая неподдельная радость от встречи, что мы сразу забыли все свои опасения. Я не почувствовала у них какого-то внутреннего барьера от встречи с незнакомыми людьми

- наверное, благодаря нашим братьям и сестрам, которые уже давно стали для этих ребят родными. Всех, кто приезжает с ними, они принимают очень радушно.

Буквально через несколько минут мы все уже перезнакомились, и ребята повели нас по своему дому, без умолку рассказывая о новостях. Вот мы поднялись на второй этаж здания. Здесь живут самые маленькие - трех-четырёхлетки. Я не знаю, как описать эту сцену, когда ты стоишь посреди комнаты, а к тебе со всех сторон тянутся ручонки, прижимаются головки малышкой. И вдруг понимаешь, как ты нужна им. Как необходимо им прикосновение, улыбка, доброе слово! Как важно каждому из них почувствовать себя согретым твоим теплом, твоей любовью... Любовью? Да, в этот момент я почувствовала в себе то, о чем так долго молила Бога. И вдруг необыкновенная радость заполнила мое сердце, я была бесконечно благодарна этим маленьким созданиям, через которых Господь одарил меня любовью. Стало очень легко, хотелось успеть каждого обнять, погладить, что-то сказать, поиграть. И радость этих детей сливалась с моей собственной радостью.

Через некоторое время мы все вместе отправились в зал, где дети из нашей Воскресной школы совместно с братьями и сестрами Молодежной группы приготовили для детей спектакль “Снежная королева”. Всем было интересно - и маленьким, и ребятам-школьникам.

После сказки началось чаепитие с блинами - в этот день была Масленица. Во время чаепития как-то сам собой организовался концерт. Дети рассказывали стихи, пели песни, после чего им вручались призы. Никто не остался в стороне. Удивительно, ни одно из выступлений не повторялось, хотя детей было очень много. Выступали все, от самых маленьких до подростков. Было очень весело.

Уезжали мы уже вечером. Расставаться было жаль. Усталости не чувствовалось. Казалось, что здесь, в этом когда-то, наверное, красивом, но сейчас довольно унылом и холодном особняке, остается частичка твоей души. И очень хотелось, чтобы она согрела эти маленькие, но уже настрадавшиеся сердца...

Потом были еще поездки, не только наши в детский дом, но и детей в Москву (старших ребят раз в месяц берут к себе в семьи на выходные наши братья и сестры). Вот уже два раза у меня дома жила 12-летняя Аня. У нее 2 сестры: старшая живет с бабушкой, а Аня с младшей сестренкой с раннего детства оказались в приюте. Родителей своих она не помнит, хотя мать ее жива.

Когда Аня впервые оказалась у меня дома, в ее взгляде читалась неуверенность и даже страх. Дело в том, что в этом детском доме она живет недавно, и это была ее первая поездка в Москву. Если к этому прибавить ее замкнутый, довольно сложный характер, да еще “переходный возраст”, то, честно говоря, не знаю, кто из нас больше боялся - я или она. Мне казалось, что я никогда не смогу растопить лед в ее сердце. Наверное тогда, в первый раз, это и не удалось (хотя я видела ее неподдельный интерес ко всему новому, что она видела, причем ее изумляли самые, казалось бы, обычные вещи, например, эскалатор в метро, который ее поразил даже больше, чем экскурсия на Останкинскую телебашню).

Но уже в следующий мой приезд в детский дом Аня не отходила от меня ни на шаг. Когда же она приехала ко мне во второй раз, то я почувствовала, что она видит во мне подругу. Тогда я почувствовала, что льдинка в ее сердце постепенно становится все меньше. С какой радостью мы готовили с ней вместе обед для нашей общины, как светились ее глаза, когда она накрывала на стол!

Аня видела отношения между братьями и сестрами в общине, чувствовала их искреннюю любовь к себе - то, чего ей так не хватало в жизни. Мне кажется, что она постепенно перестает воспринимать окружающий мир как источник зла. Она поняла, что кроме агрессии в этом мире существуют и другие отношения между людьми. Но, конечно, все это еще только начинает просыпаться в ее сердце. Сейчас очень важно не ранить ее неосторожным словом, поступком, чтобы она опять не замкнулась в себе. И дай Бог, чтобы и эта девочка, и другие дети, почувствовали себя в этом мире не какими-то изгоями, а полными и любимыми творениями Господа!

Источник - <http://sretenie.chat.ru/caritativ.htm>

Протопр. Александр Шмеман ДЕТИ И ЦЕРКОВЬ

Как правило, детям нравится ходить в Церковь, и это инстинктивное влечение и интерес к церковному богослужению должны быть тем фундаментом, на котором строится наше религиозное образование. Когда родители беспокоятся, что дети не смогут выстоять всю службу и жалеют их, они подсознательно выражают чувства не своих детей, а свои собственные. Дети намного легче, чем взрослые, проникают в мир обрядового, литургического символизма. Они чувствуют и понимают атмосферу церковного богослужения. Опыт святости, чувство встречи с Тем, Кто над повседневной жизнью, *mysterium tremendum* (священный трепет), который лежит в основе всех религий и является центром нашего богослужения, более понятны детям, чем нам. «Будьте как дети», — эти слова обращены к восприимчивости, непредубежденности, естественности, которые мы теряем, вырастая из детства. Как много людей отдают свою жизнь служению Богу и посвящают себя Церкви, потому что из своего детства вынесли они любовь к дому молитвы и радость литургического общения! Поэтому первая обязанность родителей и воспитателей — «пустить детей и не препятствовать им» (Мф. 19: 14) приходиться в Церковь. Прежде всего, в Церкви дети должны слышать слово Божие. Находясь в школьном классе, это слово трудно понять, оно остается абстрактным, но в церкви оно «в своей стихии». В детстве у нас есть возможность понимать, не умом, но всем существом, что нет большей радости на земле, чем быть в Церкви, принимать участие в церковных богослужениях, вдыхать благоухание Царства Небесного, которое «мир и радость во Святом Духе» (Рим. 14: 17).

Посещение Церкви должно с первых дней дополняться домашней атмосферой, которая предвещает и продолжает внутреннее настроение Церкви. Например,

воскресное утро. Как ребенок сможет почувствовать святость этого утра и того, что он увидит в Церкви, если дом наполнен шумом радио или телевидения, родители курят и читают газеты и царствует общая

профанирующая атмосфера? Идти в Церковь нужно с чувством собранности, спокойно и очень серьезно. Свет лампад перед иконами, чтение Евангелия, чистая и свежая одежда, празднично убранные комнаты — так часто родители не соблюдают этих необходимых форм религиозного понимания ребенка, которые оставляют такой след, что его потом не изгладят любые бедствия. Накануне вечером и в воскресные дни, а также в дни церковных праздников, на протяжении Великого Поста, в те дни, когда мы готовимся к Исповеди и Причастию, дом должен напоминать Церковь, должен быть освещен светом, который мы приносим с собой с богослужения.

И еще давайте поговорим о школе. Для меня кажется само собой разумеющимся, что проведение так называемой «Воскресной школы» в дни Божественной Литургии находится в глубоком противоречии с духом Православия. Воскресная Литургия — это радостное собрание церковной общины, и ребенок должен знать и чувствовать это задолго до того, как он постигнет глубокий смысл этого собрания. Мне кажется, что воскресенье — не лучший день для занятий в церковной школе. Воскресенье — это, прежде всего, литургический день, поэтому он должен быть связан в первую очередь с Церковью, с Литургией. Намного лучше будет провести занятия в субботу перед Всенощной или Вечерней. Тот аргумент, что родители не могут приводить детей в церковь два раза в неделю, просто свидетельствует о лени и греховной небрежности по отношению к тому, что так важно нашим детям. Субботний вечер — это начало воскресенья, и он должен быть литургически освящен, как и воскресное утро. Ведь поэтому во всех православных церквях во всем мире Вечерня и Всенощная служатся вечером накануне праздников и воскресенья. И нет причин, по которым мы не сможем устроить нашу церковную жизнь по тому же укладу: школа — Вечерня — Литургия, когда школа будет для детей необходимой подготовкой и введением в День Господень, Его Воскресение.

Перевод с английского Натальи Безбородовой.